

В. А. Смирнов

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород

Исторические аспекты реализации «мягкой силы» в контексте стратегии социокультурного управления

Актуальность исследования предопределена той научной популярностью, которую в последнее время приобрела концепция «мягкой силы», являющейся наиболее эффективным способом властвования в современную эпоху. В статье проводятся параллели между теорией «мягкой силы» Дж. Ная и концепцией гегемонии Грамши. Рассмотрена историческая эволюция инструментов аппликации «мягкой силы», а также дается краткий исторический анализ использования «мягкой силы» в политике.

Ключевые слова: мягкая сила власти, конструктивизм, культурная политика, матрицы убеждений, символические универсумы, культурная и политическая гегемония, рычаги социокультурного влияния.

V. A. Smirnov

Novgorod state University named after Yaroslav the Wise, Novgorod

Historical Aspects of Soft Power Implementation in the Context of The Strategy Socio-Cultural Management

The relevance of the study is predetermined by the scientific popularity that has recently acquired the concept of "soft power", which is the most effective way of ruling in the modern era. In the article Parallels between the theory of soft power, J. Nye and the concept of hegemony of Gramsci are drawn. The historical evolution of soft power tools is considered, and a brief historical analysis of the use of soft power in politics is given.

Keywords: soft power, constructivism, cultural policy, belief matrices, symbolic universes, cultural and political hegemony, levers of socio-cultural influence.

В современном мире одним из ведущих политических и социокультурных концептов, повсеместная реализация которого, по мнению его авторов и адептов, несомненно, должна обернуться резким всплеском благополучия во всем цивилизованном мире, является

«мягкая сила». Понятие «мягкой силы» было впервые введено в научный дискурс профессором Гарвардского университета Дж. Наем. Как считает ученый, сила государства фундируется не только материальными ресурсами в виде военной и экономической мощи (так называемой *hardpower*), но во многом зависит от использования «мягких» инструментов в политике. В реализации принципов «мягкой силы» важно оказание влияния на изменение приоритетов чужих стран и народов таким образом, чтобы «они захотели того, чего хотите вы, и вам не пришлось бы заставлять их изменить свое поведение» [1, с. 57].

Феномен «мягкой силы» может быть понят более полно, если взглянуть на него через призму теории конструктивизма, социальную теорию Бурдье и культурологическое направление Клиффорда Гирца. Кроме того, можно найти очень много общих черт между концепцией мягкой мощи Дж. Наея и теорией гегемонии Антонио Грамши.

По мнению конструктивистов, социальная реальность – это искусственно созданная матрица убеждений, с помощью которой люди интерпретируют окружающий их мир. При этом мировая политика, с точки зрения аппликации «мягкой силы», представляет собой конкуренцию этих матриц, когда альтернативные друг другу символические модели стараются не только формально завоевать «место под солнцем», но и, в исключительных случаях, пытаются так или иначе стереть враждебные им социокультурные структуры. Согласно К. Гирцу, все символические системы фундируются культурными образами. Символы являются отражением в нашем сознании объектов внешней реальности, тогда как культура снабжает человека определенными символами, помогающими ему ориентироваться в окружающем мире. Внутри себя человек имеет слишком мало шаблонов для организации культурного поведения, поэтому оно должно дополнительно направляться внешними источниками. Конкретные модели поведения человека регулируются не столько генетическими программами, сколько культурными шаблонами [2, с. 248]. При этом разные символические дискурсы не только мирно уживаются между собой, но и пытаются активно вытеснить «конкурентов».

По мнению Е. П. Пановой [3, с. 92], большую роль в данном «символическом соперничестве» играют вербальные «войны», так как люди в целом воспринимают реальность лишь через «очки» опре-

деленных лингвистических систем. П. Бурдьё в своих исследованиях социальных структур особое внимание уделяет процессам номинации, полагая, что политическая власть обладает уникальной возможностью «творить» социальный порядок. «Во многих архаических обществах власть облекалась в форму называть и давать жизнь вещам при помощи процесса номинации. Особенно ярко это проявлялось во времена кризисов. Так, способность творить символы приносила некоторым поэтам древности видные посты в аппарате управления (посты военачальников или послов)» [4, с. 462]. Он также непосредственно соединяет власть и слово: «Самая сильная власть является таковой до тех пор, пока она имеет возможность осуществлять в полной мере символическое насилие. Можно даже сказать, что данное насилие будет тем более эффективным, чем сильнее его проявления будут носить скрытый характер. При этом политик часто старается заручиться неким высшим одобрением» на свои действия, заявляя: «Бог с нами». Эквивалентом этого утверждения в наши дни стала фраза: «Общественное мнение с нами» [4, с. 69].

Власть слова проявляется, в том числе, в возможности воздействовать на других членов группы, применяя так называемое символическое насилие. Символический универсум интегрирует самые разные значения, существующие в повседневной жизни. Он также упорядочивает историю, иногда принудительно связывая коллективные события в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее. По отношению к прошлому создается искусственная «память», объединяющая всех, кто социализирован в данной общности. Символические универсумы осуществляют исчерпывающую интеграцию всех разрозненных институциональных процессов, тогда как отдельные социальные институты и роли легитимируются благодаря их включению во всеобъемлющий смысловой мир. Например, политический порядок легитимируется благодаря его соотносению с космическим порядком власти и справедливости, а политические роли легитимируются в качестве репрезентаций этих космических принципов. Символический универсум не только легитимируется, но и видоизменяется с помощью концептуальных механизмов, создаваемых для того, чтобы отрицать вызов, брошенный девиантными (т.е. отклоняющимися в своем мировоззрении от установленных образцов символического универсума) группами.

В качестве последнего по времени и наиболее яркого примера навязывания аудитории своей картины мира через лингвистические (символические) структуры можно привести уже порядком поднадоевшую всему цивилизованному миру фразу «борьба с терроризмом». Ведь именно ее Соединенные Штаты Америки повсеместно использовали для того, чтобы заручиться формальной легитимизирующей поддержкой остальных стран во время планируемых военных операций против Афганистана и Ирака. Такое словосочетание ясно маркировало «плохие силы» (слово «терроризм» во всех языках однозначно имеет негативную коннотацию) и отделяло от них «хорошую» страну в лице Соединенных Штатов, которая ведет непримиримую борьбу с этой современной разновидностью «мирового зла». На этом основании можно сделать вывод, что первоначальный тезис о непринудительном характере «мягкой силы» является не вполне правомерным и исчерпывающим. Поскольку современная политика представляет собой арену конкурирующих между собой символических дискурсов, стремящихся навязать различным аудиториям собственные вербальные «фильтры» с помощью целого спектра сил и средств.

Можно считать, что теория «мягкой силы» Дж. Ная во многих чертах заимствует положения итальянского мыслителя Антонио Грамши о гегемонии. По мнению автора, механизм власти включает в себя не только принуждение, но и убеждение. Любое государство, безотносительно того, какой класс в данный момент является доминирующим, опирается на два фундаментальных столпа – силу и согласие. Если в обществе превалируют методы ненасильственного властвования, то такое положение дел может быть охарактеризовано как гегемония. Последняя, при этом, не является неким застывшим состоянием, а представляет собой тонкий и весьма лабильный процесс. Гегемония – это не просто пассивное согласие граждан, это активное желание того же, что нужно и самому правящему классу [5, с. 12–13.]. Гегемония, по мнению А. Грамши, выступает в качестве инструмента культурного господства буржуазии над остальным обществом. Само собой, буржуазия не только контролирует экономику и государственный аппарат, она также является и культурно доминирующей силой. Иными словами, сила буржуазии заключается не только в применении «жесткой» силы, но также и в использовании «мягкой» силы, в сочетании материальных факторов господства с идеологическими.

По Грамши, и установление, и подрыв гегемонии – «молекулярный» процесс. Он протекает не столько как столкновение классовых сил, но как невидимое, малыми порциями, изменение мнений и настроений в сознании каждого человека. Гегемония опирается на «культурное ядро» общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воли – условие революции. Создание этого условия – «молекулярная» агрессия против культурного ядра. Это не изречение некой истины, которая совершила бы переворот в сознании, какое-то озарение. Это – огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля, необходимая, чтобы получилось координированное и одновременное действие [6, с. 64–65].

Однако, находя общие черты между концепциями Грамши и Ная, можно прийти к следующему выводу: если гегемония Грамши – это «внутренняя» власть буржуазии над «своими» классами, то «мягкая сила» Ная – это стремление распространить собственные культурные и социальные ценности «вовне», на другие страны. Однако и в этом случае «мягкость» все равно будет означать несиловое воздействие.

Отличие «мягкой» силы от «жесткой» заключается не в непринудительной природе первой, а исключительно в формных основаниях этих двух инструментов навязывания своей воли. Если «жесткая» сила оперирует преимущественно военными и экономическими ресурсами, то «мягкая» сила, напротив, воздействует не на «тело» потенциального объекта управления, а на его культурно-символические образы. Так под влиянием критики конструктивистов, Дж. Най уже в середине 2000-х несколько изменил свои первоначальные взгляды. Он писал: «В использовании мягкой силы могут проследиваться элементы угроз и манипулирования. Тем не менее она оставляет большую свободу выбора, чем физическая сила» [7, с. 142]. Для того чтобы подорвать «культурное ядро» противни-

ка и заменить его своим «культурным ядром», надо воздействовать на обыденное сознание, повседневные, «маленькие» мысли среднего человека. И самый эффективный способ воздействия – неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру. «Массы как таковые не могут усваивать философию иначе, как веру» [8, с. 38].

Второй немаловажный вопрос, который касается дефиниции пределов использования «мягкой власти», связан с выявлением наиболее эффективных инструментов ее аппликации. В современных условиях, в эпоху информационного общества, значительно изменяется природа политической власти; она перемещается в виртуальное пространство – в мир образов, имиджей и символов [9, с. 39]. Как отмечает Е. П. Панова, в таком случае со всей очевидностью встает вопрос о том, можно ли создать условия для использования «мягкой власти», при которых она имела бы более длительный эффект, и какие ресурсы, доступные государствам, могли бы это обеспечить. Как представляется, такие возможности у современного государства имеются и такие страны, как, например, США, на протяжении многих десятилетий их успешно используют [10, с. 157–161].

К наиболее эффективным инструментам исследователь относит образование, развитие социально-гуманитарного знания, а также активное использование так называемой публичной дипломатии. И если до недавнего времени основным средством идеологического воздействия на целевые страны было иновещание с помощью телеканалов («Russia Today», «CCCTV», «Al-Jazeera»), то теперь все большую роль начинают играть интернет-технологии, или так называемая публичная дипломатия 2.0. Этот термин впервые был использован заместителем госсекретаря США Дж. Глассманом в 2008 г. для обозначения нового подхода в рамках публичной дипломатии, предполагающего использование социальных сетей, блогов, игровых мобильных приложений в осуществлении внешнеполитических целей США [11]. Как справедливо замечает А. Н. Марчуков, «публичная дипломатия 2.0» представляет собой весьма перспективное направление в рамках публичной дипломатии, значение которого во внешнеполитической деятельности государств со временем будет только усиливаться.

Развитие информационно-коммуникативных технологий и растущая популярность в мире социальных медиа актуализируют не-

обходимость использования технологий Web 2.0 в дипломатической практике. Однако подобная деятельность не должна ограничиваться лишь наличием у внешнеполитических ведомств аккаунтов в социальных сетях и микроблогах; каждому государству необходимо иметь собственную стратегию развития «публичной дипломатии 2.0». Следует осознавать, что воздействовать на формирование общественного мнения за рубежом с помощью технологий Web 2.0 достаточно сложно; но, тем не менее, данный способ может быть весьма продуктивным в вопросе создания положительного образа государства за границей [12, с. 110]. По мнению О. Ф. Русаковой, другим проверенным инструментом мягкой гегемонии может являться массовое тиражирование продуктов поп-культуры той или иной страны [13, с. 174].

В 2008 г. Дж. Най в очередной раз скорректировал источники структуры «мягкой силы». Им были обозначены три основные составляющие этого вида политической мощи: внешняя политика, политические ценности (если внутренняя и внешняя политика государства коррелирует с ними), культура (куда входит и «массовая культура») [14, с. 96]. Касаясь вопроса эффективности каналов использования «мягкой силы», многие исследователи обращают внимание на то, что «с одной стороны, рост мировой напряженности, тотальная турбулентность предполагают осторожные коммуникации по проверенным тропам (традиционная дипломатия). С другой стороны, очевидно, что без открытых информационных платформ дипломатические каналы воздействия «мягкой мощи» практически обесцениваются. Цели, действия и результаты в сфере официальной дипломатии должны иметь PR-поддержку, в том числе через публичную дипломатию и т.н. «третий» (некоммерческий) сектор. Традиционную и публичную дипломатию (коммуникативные субструктуры которых существуют в медиапространстве) необходимо выделить как наиболее эффективные каналы распространения «мягкой мощи». Но они не самодостаточны: действия должны сопровождаться интернет-поддержкой, в частности через профильные виртуальные сети» [15, с. 148–149].

«Мягкая сила» как привлекательный образ той или иной страны, дающий возможность реализовывать политические интересы в других государствах, активно использовалась в разные исторические периоды и Римом, и Византией, и Британской империей, и Ки-

таем. Например, уже в XIX веке Британия с помощью таких инструментов пыталась отколоть от России ее национальные окраины, разыгрывая националистическую и религиозную карту. Как пишет А. Б. Мартиросян, личный агент влияния лорда Пальмерстона – Арминиус Вамбери – разработал (будучи советником у турецкого султана) по указанию из Лондона концепцию пантюркизма, используя которую, спровоцировал массовый исход черкесов и вайнахов из России в Османскую империю. Вамбери под видом дервиша, с целью противодействия России, пытался разжечь пламя мирюдизма в Средней Азии. В 70-х гг. XIX в. одному из руководителей британской разведки и члену Комитета 300, Уилферду Бланту пришлось в голову разработать концепцию панисламизма для противодействия России на Востоке [16, с. 11]. Однако только в XX веке использование «мягкой силы» превращается в осознанный, концептуально обоснованный и готовый к практическому применению инструмент, подкрепленный стремительным развитием телекоммуникационных технологий, позволяющих «вскрывать» национальные границы разных государств для воздействия на сознание «целевой» аудитории. «Мягкая сила» как политическое средство окончательно сформировалось в годы холодной войны: специфические особенности противостояния США и СССР, в первую очередь в идеологической сфере, без возможности решать свои задачи военными способами, как это было раньше, обусловили необходимость превращения «мягкой силы» в приоритетный способ реализации политических целей. Подлинный расцвет политика мягкой силы в США получила с падением социалистического лагеря во главе с СССР. Как отмечает С. Г. Кара-Мурза, к концу 80-х годов в политической практике США и их союзников была выработана и опробована новая технология целенаправленной дестабилизации и смены власти в самых разных странах без прямого насилия (так называемые бархатные революции) или с минимальным использованием насилия. «Бархатные революции» 1989 года были проведены по одному сценарию. Поскольку страны Восточной Европы экономически и политически были взаимосвязаны и составляли единый блок с СССР, то отказ СССР от роли геополитического лидера автоматически означал для этих стран переход под эгиду другого геополитического центра. Страны Восточной Европы были «сданы» советским руководством США. По настоянию Горбачёва была проведена замена пер-

вых лиц в политической системе этих стран, чтобы они не сопротивлялись сдаче Западу. Попытка отвергнуть это решение, которую оказал Чаушеску, закончилась его гибелью. Гораздо меньшая политическая зависимость Кубы, Северной Кореи, Вьетнама и Китая от СССР не позволила аналогичным образом поставить эти страны под контроль США. Для ликвидации независимого от СССР югославского государства, хотя и ориентированного на Россию, Западу пришлось разжечь там гражданскую войну и прибегнуть к агрессии, в ходе которой создали условия для проведения «бархатной» революции 2000 года [17, с. 155–156]. За последующие 12–13 лет эти технологии были доведены до высокой степени точности и надежности и в самое последнее время применены на территории бывшего СССР в республиках, тесно связанных с РФ (в Грузии, на Украине и в Киргизии). Как известно, в административной мудрости США есть формула: «Все, что технически возможно, реализуется».

За последние десятилетия различные государства по-разному пытались реализовать потенциал «мягкой силы» во внешней политике, что позволяет говорить о существовании нескольких различных стратегий ее использования. Наряду с традиционной (американской) принято выделять европейскую, советскую, японскую, российскую и китайскую стратегии использования «мягкой силы». «Названные стратегии можно условно разделить на «старые» (традиционные) и «новые» (современные).

В заключение хотелось бы отметить, что культура выступает важнейшей основой распространения «мягкой силы» [18, с. 30], поскольку именно культурная идентичность и обеспечивает формирование так часто упоминаемой привлекательности [19, с. 57]. Например, так называемые новые социокультурные ценности, пропагандируемые КНР, не только спланируют ханьцев по всему миру [20, с. 196–197], но и транслируют ценности китайской цивилизации на остальные страны, которые начинают относиться к Пекину с благожелательностью. В целом Китай использует два мощных наступательных инструмента для продвижения своего имиджа за рубежом. Во-первых, это образовательные программы, позволяющие активно привлекать в китайские университеты студентов со всего мира. Образование в современном мире – это один из самых оптимальных и интенсивных способов приобщения человека к ценностям той или иной культуры. Во-вторых, это позиционирование

себя как культурно-цивилизационной силы, способной стать альтернативой западной цивилизации [21, с. 1171–1202]. Можно с полным основанием утверждать, что после краха СССР, предлагавшего миру свою систему ценностей, данная ниша вполне может быть занята Китаем. Тем более Пекин делает ставку на достаточно привлекательную для многих стран «политику невмешательства» во внутренние дела своих соседей, «что в корне отличает китайскую дипломатию от американской и способствует сближению с традиционными стратегическими партнерами США – Таиландом и Филиппинами, руководство которых стало объектом критики американской администрации за нарушение прав человека» [15, с. 31].

Таким образом, мы можем сделать следующие важные выводы. Дискурс «мягкой силы» дает возможность без видимого применения прямого и жесткого давления использовать воздействие на ментальные структуры массового сознания. «Мягкая сила» опирается на искусственно сконструированные матрицы убеждений, с помощью которых люди интерпретируют окружающий их мир. Современная политика представляет собой арену конкурирующих между собой символических и культурных универсумов, стремящихся навязать различным аудиториям собственные знаковые «реальности». В отличие от «гегемонии» Грамши, «мягкая сила» – это, в первую очередь, не инструмент доминирования буржуазии, а государственный механизм трансляции и продвижения собственных культурных кодов «вовне» с помощью разных инструментов (публичная дипломатия, телевидение, Интернет и т. д.). В последние годы различные государства по-разному пытались реализовать потенциал «мягкой силы» в политике, что позволяет говорить о существовании нескольких различных политических и социокультурных стратегий ее использования. На основании всего вышеизложенного можно заключить, что «мягкая сила» останется важнейшим инструментом аппликации власти в современном социокультурном пространстве.

Библиографический список

1. Русакова О. Ф. Дискурс soft-power во внешней политике // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 32 (291).
2. Гирц К. Интерпретация культур. М.: Россмэн, 2004. 560 с.

3. Панова Е. П. Сила привлекательности: «использование «мягкой силы в мировой политике // Вестник МГИМО. 2010.
4. Бурдые П. Социология политики : пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
5. Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 560 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 832 с.
7. Joseph Nye. The Powers to Lead. Oxford University Press, 2008.
8. Голобородько, А.Ю. Имидж страны в мировом информационном пространстве: к вопросу о «мягкой силе» влияния // Вестник ПАГС. 2–13.
9. Панова Е. П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2 (16).
10. Glassman, J. K. Public Diplomacy 2.0: A New Approach to Global Engagement / J. K. Glassman. URL: <http://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm>. Title from screen.
11. Марчуков А. Н. Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. Ист. 2014. № 4 (28).
12. Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10.
13. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Science Academy of Political and Social. March 2008.
14. Изотов В. С. «Мягкая мощь»: обновленный теоретический концепт и российская модель для сборки // Вестник РУДН, серия Политология. 2011. № 4.
15. Мартиросян А. Б. За кулисами Мюнхенского сговора. Кто привел войну в СССР? М.: Вече, 2008. 608 с.
16. Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... М.: Изд-во Алгоритм, 2005. 528 с.
17. Федотова Н. Н. Анализ культурных ресурсов: мягкая мощь и идентичность // Философия и современность. 2016. № 4.
18. Мефодьева С. А. Практики китайских и российских СМИ в распространении «мягкой силы государств» (на примере их освещения в CCTV NEWS и RT) // Власть. 2019. № 1.
19. Wilson J. L. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China // Europe and Asia Studies. 2015. Vol. 67. No. 8.
20. Рогожина Н. Г. «Мягкая сила» в политике Китая в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2017. Вып. XXXIV (№ 34).

References

1. Rusakova O. F. Soft-power Discourse in foreign policy. *Bulletin of SUSU*, 2012, no. 32 (291).
2. Geertz K. *Interpretation of cultures*. Moscow, Rossman, 2004, 560 p.
3. Panova E. P. The power of attractiveness: "using" soft power in world politics. *Bulletin of MGIMO*, 2010.
4. Bourdieu P. Sociology of politics / trans. with fr. Moscow, Socio-Logos, 1993, 336 p.
5. Gramsci A. *Prison notebooks. Part one*. Moscow, Publishing house of political literature, 1991, 560 p.
6. Kara-Murza S. G. Manipulation of consciousness. Moscow, EKSMO-Press, 2001, 832 p.
7. Joseph Nye. The Powers to Lead. Oxford University Press, 2008.
8. Goloborodko A. Yu. Image of the country in the world information space: on the issue of "soft power" of influence. *Vestnik PAPS*, 2–13.
9. Panova E. P. Higher education as a potential of soft power of the state. *Bulletin of MGIMO*, 2011, no. 2 (16).
10. Glassman J. K. Public Diplomacy 2.0: A New Approach to Global Engagement. Available at: <http://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm>. Title from screen.
11. Marchukov A. N. Public diplomacy 2.0 "as an instrument of foreign policy activity". *Bulletin of the Volgograd state University. Ser. 4, ist.*, 2014, no. 4(28).
12. Rusakova O. F. the Concept of "soft power" in modern political philosophy. *Scientific Yearbook of The Institute of philosophy and law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences*, 2010, vol. 10.
13. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Science Academy of Political and Social*, March 2008.
14. Izotov V. S. "Soft power": the updated theoretical concept and the Russian model kit. *Bulletin of RUDN, political Science series*, 2011, no. 4.
15. Martirosyan A. B. *Behind the scenes of the Munich conspiracy. Who brought the war to the USSR?* Moscow, Veche, 2008, 608 p.
16. Kara-Murza S. G. *Export of the revolution. Yushchenko, Saakashvili...* Moscow, Algorithm Publishing house, 2005, 528 p.
17. Fedotova N. N. Analysis of Cultural resources: soft power and identity. *Philosophy and modernity*, 2016, no. 4.
18. Mefodeva, S. A. Practices of Chinese and Russian media in spreading the "soft power of States" (on the example of their coverage in CCTV NEWS and RT). *Power*, 2019, no. 1.
19. Wilson, J. L. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China. *Europe and Asia Studies*, 2015, vol. 67, no. 8.
20. Rogozhina N. G. "Soft power" in China's policy in the countries of South-East Asia. *South-East Asia: Actual problems of development*, 2017, iss. XXXIV (# 34).